

Россия и меняющийся мир

→ 1-я стр.

Важно, чтобы ООН и ее Совет Безопасности могли эффективно противостоять диктату со стороны ряда стран и произволу на международной арене. Никто не вправе присваивать себе прерогативы и полномочия ООН, особенно в том, что касается применения силы в отношении суверенных государств. Речь прежде всего о НАТО, пытающемся взять на себя несвойственные для «оборонительного альянса» функции. Все это более чем серьезно. Мы помним, как тщетно звали к правовым нормам и элементарной человеческой порядочности государства, ставшие жертвами «гуманитарных» операций и экспорта «ракетно-бомбовой демократии». Их не слышали и не хотели слышать.

Пожоже, что у натовцев, и прежде всего у США, сложилось своеобразное понимание безопасности, фундаментально отличающееся от нашего. Американцы одержимы идеей обеспечить себе абсолютную неуязвимость, что, замечу, утопично и нереализуемо как в технологическом, так и в геополитическом плане. Но в этом, собственно, суть проблемы.

Абсолютная неуязвимость для одного означала бы абсолютную уязвимость для всех остальных. С такой перспективой невозможно согласиться. Другое дело, что многие страны — в силу известных причин — предпочитают об этом не говорить прямо. Россия же всегда будет называть вещи своими именами и делать это открыто.

«Арабская весна»: уроки и выводы

Год назад мир столкнулся с новым феноменом — почти синхронными демонстрациями во многих арабских странах против авторитарных режимов. «Арабская весна» вначале воспринималась с надеждой на позитивные перемены. Симпатии россиян были на стороне тех, кто добивался демократических реформ.

Однако скоро стало ясно, что во многих странах события разворачиваются не по цивилизованному сценарию. Вместе с утверждения демократии, вместо защиты прав меньшинства — выталкивание противника, переворот, когда доминирующей одной силы сменяется еще более агрессивным доминирующим группой.

Негативный окрас развитию ситуации придавала вмешательство извне в поддержку одной из сторон внутренних конфликтов — и сам силовой характер такого вмешательства. Дошло до того, что ряд государств под прикрытием гуманитарных лозунгов с помощью авиации раздвинула с ливийским режимом. И как апофеоз — отвратительная сцена даже не средневековой, а какой-то первобытной расправы с К. Каддафи.

Нельзя допустить, чтобы «ливийский сценарий» кто-то попытался реализовать в Сирии. Усилия международного сообщества должны быть направлены прежде всего на достижение межсирийского примирения. Важно добиться скорейшего прекращения насилия, откуда бы оно ни исходило, запустить наконец общенациональный диалог — без предварительных условий, без иностранного вмешательства и при уважении суверенитета страны. Это создаст предпосылки для того, чтобы объявление сирийским руководством меры по демократизации реально выполнялись. Главное — не допустить возникновения полномасштабной гражданской войны. В этом случае работа и будет работать российская дипломатия.

Наученные горьким опытом, мы против трактовали бы как сигнал к военному вмешательству во внутрисирийские процессы. Именно руководствуясь этим принципиальным подходом, Россия вместе с Китаем не допустила в начале февраля принятия резолюции, которая как раз читалась бы неоднозначно, а на практике стимулировала бы насильственные действия одной из сторон внутреннего конфликта.

В этой связи с учетом крайние резкой, на грани истерии, реакции на российско-китайское дело хотел бы предостеречь наших западных коллег от соблазна прибегнуть к ранее использованной неадекватной схеме: есть одобрение Совета Безопасности ООН на ту или иную акцию — хорошо, нет — создадим коалицию заинтересованных государств. И ударим.

Самая логика такого поведения контрпродуктивна и весьма опасна. Она ни к чему хорошему не приводит. Во всяком случае — не способствующая урегулированию ситуации внутри переживающей конфликт страны. Но что еще хуже — вызывает дальнейшую разбалансировку всей системы международной безопасности, подрывает авторитет и центральную роль ООН. Напомним, что право вето не каприз, а неотъемлемая часть мироустройства, закрепленная в Уставе ООН, кстати, по настоянию США. Смысл этого права в том, что решения, против которых возражает хотя бы один постоянный член Совбеза ООН, не могут быть состоятельными и эффективными.

Очень рассчитываю, что США и другие страны утратят печальный опыт и не попытаются задействовать без санкции СБ ООН силовой сценарий в Сирии. Вообще никак мы не должны понимать, откуда такой воинственный зуд. Почему не хватает терпения выработать выверенный и сбалансированный коллективный подход, тем более что в случае с упомянутым проектом «сирийской резолюции» он уже практически вырисовывался. Оставалось только потребовать от вооруженной оппозиции того же, что и от правительства, в частности вывести боевые подразделения и отряды из городов. Отказ сделать это циничен. Если мы хотим обезопасить мирных граждан — а это для России первоочередная цель, — то необходимо урезонить всех участников вооруженного противостояния.

И еще один аспект. Получается так, что в странах, непосредственно прошедших через «арабскую весну», как ранее в Ираке, российские компании теряют заработанные десятилетиями позиции на местных рынках, лишаются довольно крупных коммерческих контрактов. А освободившиеся ниши заполняются экономическими операторами тех самых государств, которые приложили руку к смене правящих режимов.

Может возникнуть мысль, что сами трагические события в определенной степени были простимулированы не заботой о правах человека, а чьей-то заинтересованностью в передаче рынков. Как бы то ни было, но нам, конечно, нельзя с олимпийским спокойствием взирать на все это. И мы намерены активно работать с новыми властями арабских стран, чтобы оперативно восстановить наши экономические позиции.

В целом же происходящие в арабском мире весьма поучительно. События показывают, что стремление внедрить демократию с помощью силовых методов может — и зачастую приводит к абсолютно противоположному результату. Со дня поднимается ольма, в том числе и религиозные экстремисты, которые пытаются изменить само направление развития стран, светский характер их идеологии.

Мы в России всегда имели хорошие контакты с умеренными представителями ислама, как мировоззрение близко традициям российских мусульман. И готовы развивать эти контакты в нынешних условиях. Заинтересованы в активизации политических и торгово-экономических связей со всеми арабскими странами, в том числе, повторю, с непосредственно пережившими период внутренних потрясений.

Более того, вижу реальные предпосылки, чтобы Россия в полной мере сохранила свои ведущие позиции на ближневосточной арене, где у нас всегда было много друзей.

Что касается арабо-израильского конфликта, то «волшебный рецепт», с помощью которого можно было бы наконец разрулить ситуацию, до сих пор не изобретен. Руки опускать ни в коем случае нельзя. Учитывая, в частности, наши близкие отношения с руководством Израиля и палестинскими лидерами, российская дипломатия продолжит на двусторонней основе и в формате ближневосточного «четверта» активное содействие возобновлению мирного процесса, координируя свои шаги с Лигой арабских государств.

«Арабская весна» также яркое продемонстрировала, что мировое общественное мнение в нынешнее время формируется путем самого активного задействования продвинутой информационной и коммуникационной технологий. Можно сказать, что интернет, социальные сети, мобильные телефоны и т. п. превратились — наряду с телевидением — в эффективный инструмент как внутренней, так и международной политики. Это новый фактор, требующий осмысления, в частности для того, чтобы, продвигая и дальше уникальную свободу общения в интернете, уменьшить риск его использования террористами и преступниками.

В ходу все чаще и такое понятие, как «мягкая сила» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств.

Следует четко различать — где свобода слова и нормальная политическая активность, а где задействуются противправные инструменты «мягкой силы». Можно только приветствовать цивилизованную работу гуманитарных и благотворительных неправительственных организаций. В том числе — выступающих активными критиками действий властей. Однако активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке извне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах, недопустима.

Имею в виду случаи, когда активность неправительственных организации не вырастает из интересов (и ресурсов) каких-то местных социальных групп, а финансируется и опекается внешними силами. В мире сегодня много «агентов влияния» крупных государств, блоков, корпораций. Когда они выступают открыто — это просто одна из форм цивилизованного лоббизма. У России тоже есть такие институты — «Россотрудничество», фонд «Русский мир», наши ведущие университеты, расширяющие поиск талантливых абитуриентов за рубежом.

Но Россия не использует национальные НПО других стран, не финансирует эти НПО, зарубежные политические организации в целях проведения своих интересов. Не действуют так ни Китай, ни Индия, ни Бразилия. Мы считаем, что влияние на внутреннюю политику и на общественное настроение в других странах должно вестись исключительно открыто — тогда игроки будут максимально ответственно относиться к своим действиям.

Новые вызовы и угрозы

Сейчас в фокусе всеобщего внимания — Иран. Несомненно, России тревожит нарастающая угроза военного удара по этой стране. Если это произойдет, то последствия будут поистине катастрофическими. Их реальный масштаб представить невозможно.

Убежден, решать проблему нужно только мирным путем. Мы предлагаем признать право Ирана на развитие гражданской ядерной программы, включая право обогащать уран. Но сделать это в обмен на постановку всей иранской ядерной деятельности под надежный и всесторонний контроль МАГАТЭ. Если это получится — тогда отменить все действующие против Ирана санкции, включая односторонние. Запад слишком увлекся «наказанием» отдельных стран. Чуть что — хватается за санкционную, а то и за военную дубину. Напомним, что мы не в XIX и даже не в XX веке.

Не менее серьезная ситуация складывается вокруг корейской ядерной проблемы. Пхеньян, нарушая режим нераспространения, открыто заявляет о своих претензиях на право обладания «военным атомом», уже дважды провел испытания ядерных зарядов. Ядерный статус КНДР для нас неприемлем. Мы неизменно выступаем за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призываем к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров.

Однако, судя по всему, не все наши партнеры разделяют такой подход. Убежден, что сейчас нужно проявлять особую аккуратность. Недопустимы попытки испытать на прочность нового лидера КНДР, которые, по сути, провоцировали бы необдуманные контрмеры.

На фоне страхов вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи невольно начинаешь задумываться о том, как возникают риски распространения ядерного оружия — и кто их усиливает. Есть ощущение, что участвующие случаи грубого и даже силового вмешательства извне во внутренние дела стран могут стимулировать те или иные авторитарные режимы (да и не только их) к обладанию ядерным оружием. Имею, мол, атомную бомбу в кармане, и никто меня не тронет, поскольку себе дороже. А у кого бомбы нет — тот пусть ждет «гуманитарной» интервенции.

Нравится это нам или нет, но то, что внешне вмешательство подталкивает к такому ходу мыслей. — факт. Поэтому и так называемых «пороговых» стран, находящихся на расстоянии вытянутой руки от технологий «военного атома», становится не меньше, а больше. В

этих условиях возрастает значение создаваемых в различных частях мира зон, свободных от ОМУ. По инициативе России начата работа по обсуждению параметров такой зоны на Ближнем Востоке.

Необходимо сделать все возможное, чтобы соблазн запустить ядерное оружие ни перед кем не маячил. Для этого и самим борцам за нераспространение надо преодолеть, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатам. Так было, например, в Ираке, проблемы которого после почти десятилетней оккупации лишь усугубились.

Если наконец удастся искоренить стимулы, подталкивающие государства к обладанию ядерным оружием, то можно будет на основе действующих договоров сделать международный режим нераспространения по-настоящему универсальным и прочным. Такой режим давал бы возможность всем заинтересованным странам в полной мере пользоваться благами «мирного атома» под контролем МАГАТЭ.

Для России это было бы крайне выгодно, поскольку мы активно работаем на международных рынках, строим новые АЭС на базе современных, безопасных технологий, участвуем в создании многосторонних центров по обогащению урана и банков ядерного топлива.

Тревожит будущее Афганистана. Мы, как известно, поддержали военную операцию по оказанию международной помощи этой стране. Но международный военный контингент под эгидой НАТО не решил поставленных задач. Террористическая и наркоугроза, исходящая из Афганистана, не снижается. Объявив об уходе из этой страны в 2014 году, американцы занимают созданием там и в соседних государствах военных баз без внятного мандата, целей и сроков их функционирования. Нас это, понятно, не устраивает.

Россия имеет очевидные интересы в Афганистане. И эти интересы — совершенно понятные. Афганистан — наш близкий сосед, и мы заинтересованы в том, чтобы эта страна развивалась стабильно и мирно. И главное — перестала быть главным источником наркоугрозы. Замечу, что производство афганских наркотиков не только не сокращается, но в прошлом году увеличилось почти на 40%. Россия сталкивается с настоящей героиновои агрессией, наносящей огромный ущерб здоровью наших граждан.

Учитывая масштабы афганской наркоугрозы, одолеть ее можно только всем миром, опираясь на ООН и региональные организации — ОДКБ, ШОС и СНГ. Мы готовы рассмотреть серьезное расширение участия России в обеспечении операции помощи афганскому контингенту. Но при условии, что международный контингент в Афганистане будет действовать более энергично и в наших интересах, займется физическим уничтожением наркополей и подпольных лабораторий.

Трудно прогнозировать, как дальше будет развиваться обстановка в Афганистане. Опыт истории учит, что иностранное военное присутствие не приносило ему успокоения. Только афганцы смогут решить собственные проблемы. Визу роль России в том, чтобы при активном участии стран-соседей помочь афганскому народу создать устойчивую экономику, повысить способность национальных вооруженных сил противостоять угрозам терроризма и наркорепрессности. Мы не против того, чтобы к процессу национального примирения присоединились участники вооруженной оппозиции, включая талибов — при условии, что они откажутся от насилия, признают конституцию страны, разорвут связи с «Аль Кайдой» и другими террористическими группировками. В принципе считаем, что построение мирного, стабильного, независимого и нейтрального афганского государства вполне достижимо.

Замороженная годами и десятилетиями нестабильность создает питательную среду для международного терроризма. Все признают, что это один из самых опасных вызовов для мирового сообщества. Хочу обратить внимание, что кризисные зоны, порождающие террористические угрозы, находятся вблизи российских границ — гораздо ближе, чем для наших европейских или американских партнеров. В ООН принята Глобальная контртеррористическая стратегия, но складывается впечатление, что борьба с этим злом все еще ведется не по единому универсальному плану, не последовательно, а в режиме реагирования на остроты и наиболее варварские проявления террора — когда общественное возмущение наглыми акциями террористов совсем зашкаливает. Триггерный масштаб — но-Йоркской атаки террористов в сентябре 2001 года или но-вого Беслана и только после этого, вступившись, действовать коллективно и решительно.

В последние годы заметно укрепилось сотрудничество между спецслужбами и правоохранительными органами различных стран. Но резервы в антитеррористическом взаимодействии — налицо. Да что тут говорить, до сих пор сохраняются «двойные стандарты» террористов в разных странах воспринимаются по-разному: как «плохие» и «не очень плохие». Последних кое-кто не прочь использовать в политической игре, например, для расшатывания неугодных нам правящих режимов.

Повышение роли

Азиатско-Тихоокеанского региона

С нашей страной соседствует важнейший центр глобальной экономики — Китай. Стало модным рассуждать о его будущей роли в глобальной экономике и международных делах. В прошлом году китайцы вышли на второе место в мире по объему ВВП и уже в ближайшей перспективе, по оценке международных, в том числе американских экспертов, превзойдут по этому показателю США. Растет и совокупная мощь КНР, включая возможность проекции силы в различных регионах.

Как нам вести себя с учетом динамично укрепляющегося китайского фактора?

Во-первых, убежден, что рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поимать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики. Мы должны активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности наших стран, задействуя — разумно, с умом — китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и Дальнего Востока.

Во-вторых, своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равновесного миропорядка.

И в-третьих, у нас закрыты все крупные политические вопросы в отношениях с Китаем, включая главный — пограничный. Выстроены прочный, оформленный юридически обязывающими документами механизм двусторонних связей. Между руководством двух стран достигнут беспрецедентно высокий уровень доверия. Это позволяет и нам, и китайцам действовать в духе настоящего партнерства, на основе прагматизма и учета взаимных интересов. Создана модель российско-китайских отношений — весьма перспективная.

Сказанное, конечно, не означает, что у нас с Китаем все беспоблемно. Те или иные sectoral интересы в третьих странах далеко не всегда совпадают, но совсем устраивает нас и складывающаяся структура товарооборота, низкий уровень взаимных инвестиций. Будем внимательно следить за миграционными потоками из КНР.

Главная же моя мысль — процветающий и стабильный Китай нужен России, и, в свою очередь, Китаю, уверен, нужна сильная и успешная Россия.

Очень быстро растет и другой азиатский гигант — Индия. С ней Россией связывают традиционно дружественные отношения, содержание которых определено руководством двух стран как особо привилегированное стратегическое партнерство. От его укрепления выиграют не только наши страны, но и вся формирующаяся система полицентричности в мире.

На наших глазах происходит не только рост Китая и Индии, но и повышение веса всего Азиатско-Тихоокеанского региона. В этой связи открываются новые горизонты для плодотворной работы в рамках российского председательства в АТЭС. В сентябре этого года мы принимаем саммит этой организации во Владивостоке, активно готовимся, создаем современную инфраструктуру, что само по себе будет способствовать дальнейшему развитию Сибири и Дальнего Востока, позволит нашей стране в еще большей степени подключиться к динамичным интеграционным процессам в «новой Азии».

Придаем и будем придавать приоритетное значение взаимодействию с партнерами по БРИКС. Эта уникальная структура, созданная в 2006 году, нагляднее всего символизирует переход от односторонности к более справедливому мироустройству. Она объединяет пять стран с населением почти в три миллиарда человек, обладающих наиболее крупными развивающимися экономиками, колоссальными трудовыми и природными ресурсами, огромными внутренними рынками. С присоединением Южной Африки БРИКС приобрел в полном смысле глобальный формат, и уже сейчас на него приходится свыше 25% мирового ВВП.

Мы еще только начинаем работать в таком составе, притираемся друг к другу. В частности, предстоит наладить более тесную координацию по внешнеполитическому досью, плотнее работать на площадке ООН. Но когда «пятерка» БРИКС развернется по-настоящему, ее влияние на международную экономику и политику будет весьма весомым.

В последние годы российская дипломатия, наши деловые круги стали уделять больше внимания развитию сотрудничества со странами Азии, Латинской Америки и Африки. В этих регионах по-прежнему сильны искренние симпатии к России. Визу в качестве одной из ключевых задач на предстоящий период наращивание с ними торгового-экономического взаимодействия, реализацию совместных проектов в области энергетики, инфраструктуры, инвестиций, науки и техники, банковского бизнеса и туризма.

Европейский фактор

Россия — неотъемлемая, органичная часть Большой Европы, широкой европейской цивилизации. Наши граждане ощущают себя европейцами. Нам далеко не безразлично, как развивается дела в объединенной Европе.

Вот почему Россия предлагает двигаться к созданию от Атлантики до Тихого океана единого экономического и правового пространства — общности, называемой российскими экспертами «Союзом Европы», который только укрепит возможности и позиции России в ее экономическом повороте к «новой Азии».

На фоне подъема Китая, Индии, других новых экономик остро воспринимаются финансово-экономические потрясения в Европе — прежнем оазисе стабильности и порядка. Поразивший еврозону кризис не может не затрагивать интересы России — прежде всего с учетом того, что ЕС является нашим крупнейшим внешнеэкономическим, торговым партнером. Очевидно и то, что от состояния дел у европейцев в значительной степени зависят перспективы развития всей глобальной экономической конструкции.

Россия активно подключилась к международным мерам по поддержке пострадавших европейских экономик, последовательно участвует в выработке коллективных решений по линии МВФ. Не исключаем в принципе и возможности оказания в ряде случаев финансовой помощи напрямую.

Вместе с тем полагаю, что внешние финансовые влияния способны решить проблему лишь частично. Для полноценного выравнивания ситуации требуются энергичные меры системного характера. Перед европейскими руководителями стоит задача проведения масштабных преобразований, принципиально меняющих многие финансово-экономические механизмы, обеспечивающих подлинную бюджетную дисциплину. Мы заинтересованы в сильном Европейском союзе, каким его видит, например, Германия и Франция, заинтересованы в реализации мощного потенциала партнерства России и ЕС.

Сегодняшний уровень взаимодействия России и Евросоюза все-таки не соответствует

глобальным вызовам, прежде всего в плане повышения конкурентоспособности нашего общего континента. Нынешнее предложение поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока. А в будущем выйти и на формирование зоны свободной торговли и даже более продвинутых механизмов экономической интеграции. Тогда мы получим обширный континентальный рынок стоимостью в триллионы евро. Есть ли сомнения в том, что это было бы здорово, отведло бы интересам россиян и европейцев?

Нужно задуматься и о более глубокой кооперации в сфере энергетики — вплоть до создания единого энергокомплекса Европы. Важные шаги в этом направлении — строительство газопроводов «Северный поток» по дну Балтики и «Южный поток» в Черном море. Эти проекты поддержала правительства многих стран, в них участвуют крупнейшие европейские энергетические компании. После их полного ввода в эксплуатацию Европа получит надежную и гибкую, не зависящую от чужих-либо политических капризов систему газоснабжения, что позволит не формально, а реально укрепить энергобезопасность континента. Это особенно актуально в свете решения неких старых европейских государств сократить или вообще отказаться от использования ядерной энергии.

Прямое скажу, что пролоббированный Еврокомиссией «Третий энергопакет», направленный на вытеснение российских интегрированных компаний, не укрепляет наших отношений. Но он — с учетом возросшей нестабильности альтернативных России поставщиков энергоресурсов — еще и обостряет системные риски для самой европейской энергетики, отпугивает потенциальных инвесторов в новые инфраструктурные проекты. В беседах со мной многие европейские политики поругивают «пакет». Надо набраться мужества и убрать это препятствие на пути взаимовыгодного сотрудничества.

Считаю, что подлинное партнерство между Россией и Евросоюзом невозможно, пока сохраняются барьеры, мешающие человеческим и экономическим контактам, в первую очередь — визовый режим. Отмена виз стала бы мощным импульсом для реальной интеграции России и ЕС, помогла бы расширить культурные и деловые связи, особенно между средним и малым бизнесом. Угрозы для европейцев со стороны т. н. экономически мигрантов из России — большей частью надуманные. Нашим людям есть где приложить свои силы и умения у себя в стране, и таких возможностей становится все больше.

Российско-американские дела

За последние годы сделано немало в развитии российско-американских отношений. Но все-таки решить вопрос о фундаментальном изменении матрицы этих отношений пока не удалось, они по-прежнему подвержены приливам и отливам. Такая неустойчивость партнерства с Америкой — отчасти следствие живучести известных стереотипов и фобий. Наглядный пример — как Россия воспринимает на Капитолийском холме. Но главная проблема — это то, что двусторонний политический диалог и сотрудничество не опираются на прочный экономический фундамент. Объем торговли далеко не отвечает потенциалу экономики наших стран. То же самое — с взаимными инвестициями. Таким образом, страховочная сетка, которая оберегала бы наши отношения от конъюнктурных перепадов, так и не создана. Над этим надо работать.

Не спешат укреплять сотрудничество и регулярные попытки США заниматься «политической инженерией», в том числе в регионах, традиционно важных для нас, да и по ходу избирательных кампаний в России.

Повторю, что американская затаенная система ПРО в Европе вызывает у нас законные опасения. Почему эта система беспочвенно нас больше, чем других? Да потому, что она затрагивает имеющиеся только у России на этом театре силы стратегического ядерного сдерживания, нарушает выверенный десятилетиями военно-политический баланс.

Неразрывная взаимосвязь между ПРО и стратегическими наступательными вооружениями отражена в подписанном в 2010 году Новом Договоре по СНВ. Договор вступил в силу и не плохо работает. Это крупное внешнеполитическое достижение. Мы готовы рассмотреть разные варианты того, что может составить нашу совместную с американцами повестку дня в области контроля над вооружениями на предстоящий период. Незыблемым правилом при этом должен стать баланс интересов, отказ от попыток через переговоры добиться для себя односторонних преимуществ.

Напомним, что я еще президенту Д. Бушу на встрече в Кеннебанкпорте в 2007 году предлагал решение проблемы ПРО, которое — будь оно принято — изменило бы привычный характер российско-американских отношений, перевело бы ситуацию в позитивное русло. Более того, если бы тогда удалось добиться прорыва по ПРО, то в буквальном смысле открылись бы шлюзы для выстраивания качественно новой, близкой к союзнической модели сотрудничества и во многих других чувствительных областях.

Не получились. Было бы, наверное, полезно поднять запись переговоров в Кеннебанкпорте. В последние годы российским руководством делались и другие предложения, как можно было бы договориться по ПРО. Все они — в силе.

Не хотелось бы доводить дело до размежевания американской системы в таких масштабах, чтобы это потребовало реализации наших объявленных контрмер.

Вообще в отношении с США мы были готовы пойти действительно далеко, совершить качественный прорыв, однако при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимовыгодного партнерства.

Экономическая дипломатия

В декабре прошлого года наконец был завершен многолетний марафон присоединения России к ВТО. Не могу не отметить, что на финансовом отрезке администрация Б. Обамы и руководители ряда ведущих европейских государств активно способствовали достижению окончательных договоренностей.

Скажу откровенно, на этом длинном и тернистом пути иной раз хотелось «хлопнуть дверью», вообще бросить переговоры. Но мы не поддались эмоциям. В итоге достигнут вполне благоприятный для нашей страны компромисс — удалось обеспечить интересы российских промышленных и сельскохозяйственных производителей с учетом предстоящего возрастания конкуренции извне. Наши экономические операторы получают существенные дополнительные возможности для выхода на мировые рынки и цивилизованной защиты там своих прав. Именно в этом, а не в символическом присоединении России к всемирному торговому «клубу» вижу главный результат.

Россия будет соблюдать нормы ВТО, как и все свои международные обязательства. Рассчитываю, что так же честно, по правилам будут играть и наши партнеры. Попутно отмечу, что мы уже перенесли принципы ВТО в нормативно-правовую базу Единого экономического пространства России, Белоруссии и Казахстана.

Нам как воздух необходим более широкий, недискриминационный выход на внешние рын-

ки. Пока с российскими экономическими операторами за границей особо не церемонятся. Принимают против них ограничительные торгово-политические меры, возводят технические барьеры, ставящие их в менее выгодное положение по отношению к конкурентам.

Аналогичная картина и с инвестициями. Мы стараемся привлечь в российскую экономику зарубежные капиталы, открываем для них самые привлекательные отрасли, подталкиваем к деятельности «лакомым кускам», в частности в топливно-энергетическом комплексе. Наших же инвесторов за рубежом особо не привлекают, а зачастую демонстративно оттирают в сторону.

Взять историю с германскими «Опелем», который так и не смогли приобрести российские инвесторы — даже несмотря на то, что эту сделку одобрило правительство ФРГ и позитивно восприняли немецкие профсоюзы. Или вопиющие ситуации, когда российскому бизнесу, вложившему солидные средства в зарубежные активы, попросту не дают вступить в права инвестора. Такое особенно часто происходит в Центральной и Восточной Европе.

Все это подводит к мысли о необходимости усилить политико-дипломатическое сопровождение действий российских предпринимателей на внешних рынках, оказывать более плотную поддержку крупным, знаковым деловым проектам. Не забывая и о том, что Россия может применять зеркальные ответные меры в отношении тех, кто прибегает к приемам недобросовестной конкуренции.

Хочу обратить внимание и на такую существенную фактор, который во многом определяет роль и место России в нынешних и будущих международных политических и экономических раскладах, как огромная территория нашей страны. Пусть сейчас мы занимаем не одну шестую часть суши, но тем не менее Российская Федерация — самое крупное государство с богатейшей ресурсной базой, который нет равных в мире. Имею в виду не только нефть и газ, но также леса, сельскохозяйственные земли, запасы чистой пресной воды.

То есть территория России — источник ее потенциальной силы. Раньше огромные пространства служили для нашей страны преимущественно как буфер от внешней агрессии. Сейчас, при правильной экономической стратегии, они могут стать важнейшей основой для повышения ее конкурентоспособности.

Поддержка соотечественников и гуманитарное измерение

Уважение к своей стране определяется еще и тем, как она способна защитить права своих граждан и соотечественников за границей. Важно никогда не забывать об интересах миллионов соотечественников, проживающих в зарубежных странах, и наших граждан, выезжающих за границу на отдых и в командировки. Подчеркну: МИД и все дипломатические и консульские представительства обязаны в круглосуточном режиме оказывать реальную помощь и поддержку соотечественникам. Реакция со стороны дипломатов на возникающие коллизии между нашими согражданами и местными властями, инциденты и происшествия, аварии на транспорте и т. д. должна быть незамедлительной — но дожидаясь, пока СМИ начнут бить в колокола.

Мы будем самым решительным образом добиваться выполнения властями Латвии и Эстонии многочисленных рекомендаций авторитетных международных организаций относительно соблюдения общепризнанных прав национальных меньшинств. С существованием позорного статуса «неграждан» мириться нельзя. Да и как можно мириться с тем, что каждый шестой латвийский житель и каждый тринадцатый житель Эстонии как «неграждане» лишены основополагающих политических, избирательных и социально-экономических прав, возможности свободно использовать русский язык.

Взять состоявшийся несколько дней назад в Латвии референдум по статусу русского языка, который вновь наглядно продемонстрировал международному сообществу остроту проблемы. Ведь к участию в референдуме опять не допустили более 300 тысяч «неграждан». И совсем ни в какие ворота не лезет отказ латвийского ЦИК предоставить делегации Общественной палаты России статус наблюдателей на референдуме. А международные организации, ответственные за соблюдение общепризнанных демократических стандартов, как будто в рот воды набрали.

Вообще то, как проблема права человека используется в международном контексте, вряд ли может нас устроить. Во-первых, США и другие западные страны стремятся узурпировать прерогативы досью, полностью политизировать его и применять как инструмент давления. Критику же в свой адрес они не терпят, воспринимая сверхболезненно. Во-вторых, объекты для правозащитного мониторинга подбираются выборочно, отнюдь не по универсальным критериям, а по усмотрению «приватизирующихся» это досью стран.

Сферу прав человека нельзя никому отдавать на откуп. Россия — молодая демократия. И мы зачастую проявляем излишнюю скромность, щадим самолюбие наших опытных партнеров. А ведь нам есть что сказать — с точки зрения соблюдения прав человека и уважения основных свобод никто не совершенен. И в старых демократиях встречаются серьезные нарушения, на них не нужно закрывать глаза.

Россия унаследовала великую культуру, признанную и на Западе, и на Востоке. Но мы пока очень слабо инвестируем в культурные индустрии, в их продвигание на глобальном рынке. Возрождение мирового интереса к сфере идей, культуры, проявляющееся через включение обществ и экономик в глобальную информационную сеть, дает России с ее доказанными талантами в сфере производства культурных ценностей дополнительные шансы.

Для России существует возможность не только сохранить свою культуру, но и использовать ее как мощный фактор продвижения на глобальных рынках. Русскоязычное пространство — это практически все страны бывшего СССР и значительная часть Восточной Европы. Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт информации и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей.

Нужно серьезно обдумать, как с наибольшей отдачей для объективного восприятия России использовать проведение у нас крупных международных мероприятий — встречи на высшем уровне АТЭС в 2012 году, саммитов «двадцатки» и «восемьки» в 2013 и 2014 годах, Универсиады в Казани в 2013 году, зимних Олимпийских игр в 2014 году, чемпионатов мира по хоккею и футболу в 2016 и 2018 годах.

Россия намерена и далее обеспечивать свою безопасность и национальные интересы путем самого активного и конструктивного участия в мировой политике, в решении глобальных и региональных проблем. Мы готовы к деловому, взаимовыгодному сотрудничеству, к открытому диалогу со всеми зарубежными партнерами. Мы стремимся понять и учитывать интересы наших партнеров — но просим уважать наши.

«Московские новости», 27 февраля 2012 г. Печатается с сокращениями.